

Рой

Автор:

Данияр Каримов

Рой

Данияр Каримов

В нескольких парсеках от Земли на самом отшибе человеческой Ойкумены вертится опаленная близкой звездой планета Астире. На ее поверхности невозможно выжить, но это небесное тело давно колонизировано. Населяющие Астире люди прячутся в недрах, где добывают минерал, который обещает подарить человечеству бессмертие. Ничто не предвещает катастрофы, пока однажды связь с несколькими отдаленными поселениями не прерывается. Группы, отправленные выяснить причину молчания, бесследно исчезают. Что происходит? Биотерроризм? Саботаж? Эпидемия? Люди на Астире пока не знают, что столкнулись с угрозой, равной которой прежде не встречали.

Рой

Марионеток легче всего превратить в висельников. Шнурки уже есть. Станислав Ежи Лец.

-1. Призрак горизонта

Пространство перед тяжелыми гермозатворами ярко освещалось прожекторами, и оплавленные бурые кубы контейнеров отбрасывали на пепельную поверхность резкие черные тени. Чуть поодаль согнулся искореженный температурами металлический скелет погрузчика, сквозь ребра которого проступало ярко-красное пятно тяжелого скафандра. Оператор машины покончил с собой, подняв

забрало гермошлема. Однако обстоятельства его гибели свидетельствовали, скорее, не о суициде, а об убийстве. Шлюз запечатали изнутри, поставив беднягу на поверхности перед выбором между ледяным удушьем вакуума и адской сковородкой огненного рассвета. Случилось это менее местных суток назад или почти пятьдесят часов в земном исчислении.

Верхние горизонты подземного поселения, обездушенные и обесточенные, тонули в вязком мраке, едва разгоняемом светом фонарей. В рубке, управляющей шлюзом, покрывались плесенью остатки скромной трапезы на двоих. Ложка в контейнере для супа прилипла ко дну, тронутому желтоватой жирной коркой. На скамье в раздевалке серел ворох белья, а на полу у открытого шкафчика лежала забытая кем-то маска респиратора. Вездесущая розоватая пыль успела покрыть ее тонким слоем талька.

Люки в спальном секторе были распахнуты. Жилые помещения, обычно оберегаемые от чужого глаза и духа близкого рудника, тронула вуаль розовой пыли из коридоров и штолен. Весь уровень казался огромным выпотрошенным некрополем. Ни живых, ни мертвых, ни сигнатур, а только брошенные вещи, засыхающие растения, аквариум с задыхающимися рыбками, початая бутылка и надкусанное бурое яблоко под столом. В глухой тишине гулко отсчитывал мгновения плохо закрытый кран в душевой.

Разведчик ослабил ремешок респиратора. Стараясь не вдыхать затхлый воздух, – вентиляция в обесточенном секторе отключилась, – он жадно приложился к бутылке, забытой кем-то на столике в кантине у самого перехода к другому уровню. Пойло приятно обожгло глотку и принесло чувство обманчивого облегчения. Осмотр горизонта, жители которого куда-то разом исчезли, вызывал необъяснимый трепет, и разведчик, некогда далекий от суеверий, уже несколько раз ловил себя на диком, ирреальном ощущении. Он будто очутился в трюме огромного корабля-призрака, откуда нельзя вернуться в привычный мир.

Утерев губы рукавом, разведчик вернул маску на лицо и доложил в гарнитуру коммуникатора: – Гнездо, я – Пятый. Сектор чист. Ни души. Готов к спуску на

следующий уровень. Прием.

В глубине трепетавшей души еще теплилась слабая надежда, что поисковую команду, рассеянную по опустевшим секторам, отзовут. Что бы не произошло в поселении, но больше всего это походило на странную эпидемию, сопровождавшуюся, однако, отлично организованной эвакуацией в неизвестность. Как бы по возвращению не оказаться в карантине. А ведь он обещал заглянуть вечером к новой подружке.

Коммуникатор подозрительно молчал. Приемное устройство улавливало только шорох помех от местной звезды.

– Гнездо, как слышите? – повторился Пятый. – Прием?

Ответа не было, и разведчик, досадуя на растущий страх и обстоятельства, перешел на общую частоту.

– Я – Пятый, меня кто-то слышит?

Ни отклика. Пятый в сердцах чертыхнулся, уповая отогнать панические мысли, а потом до слуха донесся тихий плач. Где-то в глубине перехода всхлипывал маленький ребенок. Разведчик оцепенел. Насколько ему было известно, детей в таких поселениях обычно не заводили. Пятый с подозрением покосился на оставленную бутылку, однако слух не обманывал и из перехода все так же слышалось жалобное хныканье. Обычно, подумалось ему, не значит никогда.

– Вроде кого-то засек, – шепотом сказал разведчик на общей частоте. – В галерее, ведущей к следующему уровню. Возобновляю движение. Прием?

Пыль под ногами скрадывала звук осторожных шагов. Луч выхватил темное пятно боковой выработки, затем метнулся ниже, тщетно пытаясь найти плачущего. Однако с каждым пройденным метром свет фонаря словно слабел и темень вокруг разведчика сгущалась.

– Эй, малыш, – позвал Пятый, искренне надеясь, что его голос звучит мягко. – Иди сюда. Не бойся! Я отведу туда, где безопасно и светло.

Хныканье прекратилось. Разведчик подошел к пересечению перехода с боковой галереей и остановился, раздумывая, стоит ли продолжать путь, и если да, то в каком направлении.

– Какой молодец, – ободрил он невидимого малыша, пытаясь не выдать растущее замешательство. – Не надо плакать. Лучше иди к дяде.

Перед тем, как обрушилась тьма, Пятый успел ощутить загревком легкое движение воздуха. Потом мрак, в котором растворился разведчик, заполнился шуршанием и шорохами, сквозь которые пробился звук иной природы. «Пятый, я – Второй, – щелчок, треск помех. – Пятый, слышу тебя. Связь барахлила, извини. Прием?».

Ожившую далеким и искаженным голосом гарнитуру подняла и взвесила на ладони чужая рука – тонкая, бледная, с темным узором прожилок.

– Пятый, я – Второй, – отозвалась гарнитура на прикосновение. – Как слышишь?

Коммуникатор упал, взметнув облачко розовой пыли. В следующее мгновение на него наступила босая нога. Передатчик хрипнул и замолк.

0. Интро

– С кем честь имею?

Луи повертел головой, встряхнув густой шевелюрой, выкрашенной накануне в лимонный цвет. Кроме него и человека, который задался вопросом, в комнате, располосованной яркими красками в цвета спектра, никого не было. Луи занервничал и покосился на закрытую дверь. Его не предупреждали, что нелегал будет говорить. Может, позвать стража? Уж он-то знает, как вести себя с пленными.

– Зовут, говорю, как? – Нелегал не терял духа и иронии, словно не был прикован к жесткому стулу, и не кривил подбитым глазом. От Луи его отделял простой, выдавший виды металлический стол, покрытый темно-зеленой краской, уже подтершейся на ребрах. Пленный не был первым, и точно не будет последним. Юго-Западное поселение манило их как магнит. – Видимся во второй раз, а так и не представились! Я – Геб, а ты?

Лу-3 сделал глубокий вдох. Пахло пылью, химией и ложью, ауру которой отторгала даже холодная эмаль стен. Нелегал был консом, консерватором, привыкшим прятать за словами истинные мысли и устремления. Ничего похожего на устройство для мнемосвязи с машинами, по крайней мере, сканирование не выявило.

Пленник – бледный, блеклый брюнет – был одет в глухой темно-синий комбинезон штурмовика, украшением которому служили лишь карманы во всевозможных местах. Последний рудокоп в Юго-Западной колонии знал, что консы боятся открывать тела, чтобы не быть осмеянными. Природа сделала их несовершенными, порой чрезмерно жестоко балуясь с пропорциями, тогда как любой уроженец обособленного поселения имел идеальное сложение. Прозрачная туника кремового оттенка, накинутая Лу, не скрывала ни изгиба, и

консу было отчего комплексовать.

Ничем выдающимся нелегал не обладал. Не виделось в нем ни особой стати, ни харизмы, ни запоминающихся черт, кроме, разве что, одного. Сразу после допроса нелегала аннулируют, и Геб знал об этом, но почему-то озорно блестел глубоко посаженными и черными как смоль глазами. Будто нипочем, словно и не страшно. Неужели все консы такие? Или подобное поведение им нетипично, а болтливый супчик таков сам по себе?

Луи, никогда не покидавший колонию, мысленно пожал плечами. Какая в руду разница? Если б нелегал не был дремучим консом, его, пожалуй, можно было зауважать. Сейчас, однако, колониста снедала досада. Что-то было неправильным, и Лу-3 сжимал губы. Попирающий свободы достоин презрения! Моральное рабство – что может быть хуже?

Симбиотическая сеть колонии была с Лу-3 согласна и, воспользовавшись его губами, изрекла: – Бодрствующий совет колонии. Говорите.

1. Рудокоп

Часом ранее Луи пересекал палубу огромного корабля, тщетно пытаясь сохранить равновесие. Небо – темное, грозное, неистовое – тонуло в волнах, раскачивающих судно словно дощечку. По своду то тут, то там возникали циклопические трещины молний, с грохотом рвущих ткань мироздания. Ветер, доносивший громовые раскаты светопредставления с некоторым опозданием, яростно трепал флажки на канатах и бросал в лицо смельчака холодные соленые брызги. Он сбивал с ног, заставляя буквально ползти по мокрому настилу. Изрядно утомленный, промокший и продрогший Луи уже не помнил, что именно послужило причиной выхода наверх, но несомненно что-то очень важное. В противном случае он бы и носа не высунул наружу. В теплых внутренних отсеках было гораздо комфортнее.

Корабль накренился и Луи, не удержавшись, проехался по палубе, больно приложившись о доски спиной. Скольжение по наклонной закончилось тем, что его схватили за руку. Спасительной остановкой незадачливый путешественник был обязан матросу, мокрому и злому.

– Вернитесь вниз, – прокричал флотский и указал на темную стену впереди. – Этот вал скоро будет здесь.

– В трюме течь, – Луи вспомнил почему оказался здесь. – Качка сдвинула контейнеры, и мы, почти вся семья, не можем...

– Вниз! – рявкнул матрос. Пассажир замотал головой: – Мне нужно к капитану...

Матрос с руганью потащил упряма к ближайшему люку. Он почти успел открыть его массивную крышку, когда на корабль обрушился тяжелый удар. Исполинская сила стихии подхватила людей и швырнула за борт, где их поглотил голодный океан.

В темно-синей толще, в которую погружался Луи, было спокойно, словно сверху не бушевал шторм. Волнение виделось из глубины беспокойной рябью, гаснущей с каждым новым метром, отделяющем человека от поверхности. В угасающее сознание проникла густая, вязкая, удушающая темнота. Ее чернильные щупальца опутали тело, сковав конечности, и сдавили горло, заставив утопающего раскрыть рот в безмолвном крике.

Луй вынырнул на поверхность реальности в полумраке спального отсека, жадно глотая воздух.

– Мой мальчик, опять кошмары? – Щеки коснулась прохладная ладонь альфа-супруги. Голос Луизы был сонным, отчего казался не сочувствующим, а томным.

– Да, дорогая, – нехотя согласился Луи. Станный сон, из глубин которого он только что всплыл, и образы которого ускользали от понимания, являлся к нему не в первый раз.

– Ты так и не обратился в отдел сновидений, – с укоризной прошептала она. – Хочешь, запишу тебя к доктору Мура? Он прекрасный специалист по гипнотике и онейрологии.

«А еще – хороший нарколог, и обязательно поймет, чем клиент пудрит нос», – мысленно добавил Луи, но вслух произнес другое: – Я сам, дорогая. Чуть позже.

Луиза не ответила. Луи прислушался к дыханию альфа-супруги. Оно было мерным и ровным. Женщина уснула. Луи осторожно снял с груди ее руку, поцеловал в макушку эpsilon-супругу, тихо сопевшую рядом, и привстал на локте, обозревая бедлам, привычный берлоге брачного союза Лу.

Бета-супруг – Лу-2 или Лука, как его называли в колонии, еще не вернулся из дальнего тоннеля. Глянцевый конус дельты-Лу беспомощно лежал на полу, брошенный кем-то в беспомысленстве страсти. Индикатор заряда почти погас и озабоченно мигал. Семейство вчера гуляло знатно. Луи предался было сладострастным воспоминаниям, но в мочке уже зудел имплантант.

Луи, которого сеть колонии идентифицировала как гамма-Лу или Лу под номером три, потянулся, в глубине души завидуя коту, дремавшему в кресле у проекции окна. Этот мерзавец мог пролежать, зарывшись мордочкой в пушистый хвост, хоть целый день. Юная эpsilon-Лу хотела объявить его супругом номер шесть, но не получила одобрения альфы.

Где-то глубоко под берлогой тяжело ухнуло, передав толчок вибрацией. Жалобно звякнули бокалы на столе. Поселение вгрызалось в планетарную кору Астире – каменистого шара размером с Плутон. Колония расширяла лабиринт, опускаясь все глубже за нейробитом – минералом, который далекая Земля была готова покупать по фантастической цене. Розоватые жилы, за которой следовали проходческие машины, то сходились, то разбегались друг от друга, сплетаясь в удивительную структуру. Голографическая проекция месторождения, которую когда-то Луи довелось видеть, напоминала гигантский куст. Инопланетное древо, растущее наоборот.

Таких образований на всей Астире нашли всего шесть, и каждый «куст» стал благодатным основанием, источником силы и богатства человеческих колоний, возникших в пустотах гигантских рудников. За их пределами люди не селились. Каменистая Астире располагалась слишком близко к материнской звезде, из-за чего органическая жизнь на поверхности была невозможной, и слишком далеко от Земли, чтобы хранить верность метрополии и ее традициям.

Лу-3 нехотя поднялся. Его ждала смена, в течение которой он должен добыть свою обязательную норму руды, чтобы сохранить за брачным союзом привычный жизненный стандарт. Он не трутень с нижних уровней, где жила была столь богатой, что безбедную жизнь целой семьи мог обеспечить всего один работающий супруг. Один, а не четверо, как на этом ярусе! Луи с сожалением вздохнул. Да, трутням здесь не место, но уж он-то не отказался бы от одного.

Немножко странные, утонченно-манерные, глуповатые, но неизменно притягательные в глазах колонистов создания источали изумительные ароматы, завлекательно звенели дорогими побрякушками, и всегда смотрели на простых рудокопов свысока. Грациозные тела трутней служили для удовольствий, а не труда. Лу-3 надеялся, что когда-нибудь его семья сможет завести такого супруга. Вот что стало бы волшебным обретением!

Напялив маску респиратора, Луи вышел в тоннель. Сегодня его стенки отливали нежно розовым, в тон минералу, чья едва видимая взвесь подкрашивала воздух. Имплантант в мочке слегка завибрировал, уведомляя о сообщениях сети. Перед глазами всплыл значок о получении свежего новостного пакета с Земли. Рудокоп скривился и удалил сводку, не читая. За время, которое сигнал пробивался до Астире, на материнской планете могло произойти все, что угодно. Да и чхать он хотел на то, что происходило с обитавшими на ней консами. Что может быть примитивней общества, где не приветствуются сложные брачные союзы? Луи гораздо интересней, что происходит в местных поселениях, ей-ей. Между парой из них вроде назревал какой-то конфликт на почве – подумать только! – идеологических разногласий. Смешно! Скорее, соседи не поделили жилу на границе соприкосновения.

Фыркая на воинственных недотеп, гамма-Лу зашел в боковую штольню, чтобы срезать путь к транспортному узлу. Сеть услужливо подсказывала, что предыдущая смена проходчиков успела уйти на добрую милю вперед. Как бы поспеть вовремя! Он торопливо протопал метров сто, когда мигнуло и погасло освещение. Рудокоп остановился, вспоминая, в какой карман положил фонарь, как вдруг за спиной что-то зашуршало и в голове взорвался фейерверк. Потом искры растаяли, в нос ударило чем-то резким, вспыхнул яркий свет, и Луи повел глазами, жадно цепляясь за плывущую картинку.

Здоровенный конс с совершенно зверской физиономией водил перед носом рудокопа нашатырной ваткой. В другой лапе мордovorот сжимал ствол леденящего на вид калибра. Еще пара неприветливых парней стояли рядом. Один светил в лицо фонарем, второй держал проходчика на прицеле, метя прямехонько в лоб. Луи испуганно вскинул руки, закрываясь от кошмара. В сознании метались панические мысли: Что происходит? Как консы проникли в закрытую колонию? Где стражи? Его сейчас убьют?

– Смотри, как похож, – воскликнул конс, который держал Лу под прицелом.

– Еще скажи, что я его специально подманил, – сказал тот, что был с фонарем, и фыркнул: – Чистая случайность.

– Как же, случайность, – изрек здоровяк. – Расскажи кому, не поверит. Дьявольское семя!

– Рот прикрой, – оборвал его конс с фонарем. – Всем доводилось быть донорами. Уверен, и ты был грешен.

– Я не был донором, – пророкотал здоровяк. – Я свой материал просто так не отдам.

– А кто говорит, что за «просто так»? – нелегал, все еще державший рудокопа на мушке, противно хихикнул. – За образцы для фабрики клонов неплохо платят, а ты, толстолобый, как всегда, не в курсе.

– Прекратите, – прошипел конс с фонарем и присел рядом с гамма-Лу, разгоняя вихрь путанных мыслей.

– Ты как? – Нелегал приглушил свет и участливо поправил Луи маску респиратора. Grimаса делового участия, натянутая консерватором на открытый участок лица, не выражала радости от встречи, но оружие было убрано в кобуру. Убивать колониста он, наверное, не собирался. – Жив, здоров? Сильно ушибли? Двигаться можешь?

Рудокоп ошарашенно кивнул.

– Молодцом! – похвалил конс и зачем-то кивнул сопровождающим. «Делец» явно был в группе главным. Лу-3 судорожно выдохнул: – Что случилось?

– Тс-с! – цыкнул бугай. Рот рудокопа самопроизвольно закрылся. «Делец» иронично прищурился и, потрепав его по щеке, поднялся: – Беги! Ты же спешил?

– Не расслышал? – рявкнул здоровяк. – Встать! Бегом марш!

Луи немедленно вскочил и припустил что было мочи в сторону светлого пятна – выхода в следующий тоннель. Голова еще кружилась, но движение вернуло ей способность соображать. Все еще ожидая выстрела в спину, рудокоп выскочил, наконец, из штольни и, спрятавшись за углом, прижался к стене, пытаясь сквозь дробь сердца в ушах расслышать, не бегут ли консы по его душу.

Имплантант в мочке, до этого подозрительно молчавший, наконец тревожно зажужжал, призывая на помощь ближайших стражей. Нелегалов следовало найти и обезвредить. Чужакам в колонии не место! Отдышавшись, Луи осторожно выглянул из-за угла.

Штольня, насколько он мог видеть, была пуста. Лу-3 сел на пол и закрыл глаза. Пустая руда, ему бесконечно повезло! Консы вполне могли оставить его в там, в темноте, предварительно проделав несколько несовместимых с жизнью отверстий.

Добра от консов не жди.

Голова налилась тяжестью. Сеть требовала объяснений, и он открыл память, делаясь образами, пока его не подобрали стражи. В ватные руки сунули оружие, и Лу-3 неуклюже прижал его к себе, не вполне представляя, как будет стрелять, а потом в отдалении зло затрещали стаккато очередей. Стражи бросились на звук, забыв о рудокопе, а когда он их наконец догнал, все почти закончилось.

Колонисты смыкали кольцо, в центре которого скрючились в неестественных позах двое нелегалов, среди которых был давешний здоровяк. Третий – тот самый конс, что держал фонарь и говорил с Луи – стоял на коленях, обреченно поднимая руки. Маска на его лице сбилась, и физиономия казалась странно знакомой. Рудокоп почувствовал дурноту – то ли от взвеси вездесущей минеральной пыли, поднятой беспокойными ногами бойцов, то ли от пороховой гари, то ли от тяжелого, железистого духа чужой крови, пролитой в тесном туннеле. Гамма-Лу нервно поправил респиратор. Он не должен был чувствовать запахи, и не хотел смотреть на трупы чужаков.

– Задело?

Рудокоп, вздрогнул и поднял глаза. На него с беспокойством смотрел один из стражей.

– Ранен? Нет? Ну?

Гамма-Лу помотал головой, и тогда страж провел по шее рудокопа, а затем продемонстрировал вымазанную багрянцем подушечку пальца. Луи испуганно приложил ладонь к тому же месту, и почувствовал что-то мокрое и теплое, совсем немного, с пару капель, но... Это была его кровь! Почему же не было больно? Или было?

– Дай-ка гляну, – скомандовал страж и, чуть погодя, ободряюще хлопнул по плечу. – Царапина, с укол. Мигом затянется. Наверное, осколком камня задело, рикошетом. Пули, брат, порой такие искры высекают. Но ранение боевое! Так что ты теперь герой! Обнаружил нелегалов, помог обезвредить. Понимаешь? Может, даже трутня пожалуют!

А что? Между прочим, было бы самое то! Но подошедший санитар не наложил на боевую рану и пластыря, а только прошелся слегка ваткой для дезинфекции.

Пощипало немного, и все. Царапина совсем не болела, и на геройство никак не тянула, но сеть имела на рудокопа свои виды. Поэтому санитар отдал Лу-3 честь, а за ним приветственно вскинули руки и остальные стражи. Объяснение не заставило себя ждать: сеть известила, что приглашает рудокопа на глубокий сеанс. Бодрствующий совет колонии допросит конса через отважного Луи.

– Глубокий сеанс, – прошептал страж, глядя в сторону. – Точно трутня дадут.

Конс покосился на Луи с плохо скрываемым любопытством.

2. Дознаватель

В комнате для дознания не было никого, кроме конса и Луи. Нелегал, пользуясь возможностью, уже не скрываясь, пристально рассматривал рудокопа.

– Так вот, значит, что такое глубокий сеанс, – хмыкнул он, наконец. – Бодрствующий совет! Как вы коллективно управляетесь с телом? Я имею в виду данный случай. Понимаю, симбиотическая сеть и все такое, но тем не менее...

– Несущественно, – сказала сеть, воспользовавшись голосовыми связками Лу-3. – Вы вторглись на территорию колонии. Вы были вооружены. Мы расцениваем это как акт агрессии. Чем вызваны подобные действия? Отвечайте по существу, от искренности зависит ваша жизнь. Надеемся на сотрудничество.

Конс стер улыбку с лица и оглядел обезличено серые стены, словно пытаясь пробить взглядом толщу камня и найти тех, кто говорил с ним через тощую и жалкую на вид марионетку. Рудокоп сидел недвижим. Бодрствующий совет пока двигал только его губами, но сущность гамма-Лу была готова отдать ему полный контроль над телом и восторженно трепетала в сторонке. Прежде ей не

доводилось купаться в сполохах сети, объединившей сознания тысяч колонистов. Где-то там наверняка была Лу под номером один, а может и другие члены семьи, успевшие пробудиться.

Тихий бессвязный шепот чужих мыслей волнами накатывал на сознание, убаюкивая мороком неясных, но невероятно знакомых образов. Лу-3 изо всех сил противился сну, желая впитать в себя все, что увидит. Душа ликовала: сегодня он – рядовой рудокоп – станет исполнителем общей воли колонии! Семья будет его боготворить. Он сам готов себя боготворить! Глубокий сеанс! Час назад он и помыслить не мог и о такой чести! Какой-то час назад!

– Надеемся на сотрудничество, – повторила сеть, но уже чуть жестче.

– Да понял, понял, – нелегал поерзал на стуле, к которому был прикован, откашлялся и произнес: – Я, в принципе, и не уполномочен вести переговоры, но учитывая обстоятельства... Мы хотим сотрудничества. Нам всем грозит опасность. Когда я говорю «нам», я имею в виду нас и вас.

Сеть скривила губы гаммы-Лу, обозначив скепсис. «Нас и вас»? С каких пор? Что задумал дрянной конс?

– Мы проводили разведку, – продолжил Геб. – Нашей задачей было выяснить, не стала ли колония жертвой поглощения.

– Кто «мы»? – изрекли губы Луи.

– Мы – Первое поселение.

В голове Лу-3 зажурчали возмущенные голоса. Бодрствующий совет негодовал. Первое поселение! Старейшая из основанных на Астире колоний и единовластная хозяйка действующего космопорта, беспокойная и разношерстная, и совсем не внушающая доверия. Принимая беженцев и оседающих членов экипажей грузовиков, она цинично экономила на клонах и благоразумии. В Первой все меньше добывали нейробит, но все настойчивей навязывали остальным колониям услуги посредничества и перевозок. Легкие деньги опускали ее в омут порока глубже, чем можно было представить. В темных тоннелях Первой даже самый искушенный грешник мог найти все, что угодно – от экзотических удовольствий до внезапной кончины. Мысль об этом приводила в трепет, но некоторая часть совета испытывала любопытство, и губы рудокопа вновь зашевелились.

– О каком поглощении идет речь? Отвечайте полно, по существу.

– Как такое скажешь по существу, – Геб покачал головой, словно размышляя, с чего начать. – Как давно вы связывались с Западным поселением? Хотя, о чем я? Вы же зарылись в Астире по уши, и ничем не интересуетесь кроме обмена минерала на эмбриональные камеры, чтобы хоть как-то сохранить популяцию. Три дня назад Западное прервало поставки нейробита в космопорт. Вам что-нибудь об этом говорит?

– Нет, – ответила сеть. – Продолжайте.

– Мы пытались связаться, но канал забит помехами, – сказал конс. – У руководства появились предположения, что на Западном случилась авария. Разумеется, это следовало сохранить в тайне, но шила в мешке не утаишь. Кто-то из наших отправился к Западному на разведку.

Сеть откликнулась усмешкой. Дельцы из Первого были бы не прочь наложить руки на богатые рудой горизонты других колоний. Разумеется, под благовидным предлогом помощи пострадавшим при аварии.

– Западное поселение подверглось... гм-м... Подверглось видоизменению. Не внешне, а, скорее, внутренне, на уровне сознания. Нам неизвестно точно, что произошло. Но население колонии стало вести себя как рой насекомых, управляемый неким источником, природу которого мы пока не поняли.

– Это все, что выяснили разведчики?

– Конечно же нет, – конс сделал глубокий вдох и закрыл глаза.

Лу-3 ощутил беспокойство, не вполне осознавая, его ли было это чувство или других бодрствующих колонистов.

– Нам казалось, что мы выявили причину, – сказал Геб. – Нейробит – тот самый минерал, который все мы добываем на Астире. Вы знаете, какими он свойствами обладает? Почему Земля так жаждет получать его все больше и больше? Сплавы с этим минералом используют в создании обучаемых систем. Но он настолько хорош, что используется даже в протезировании поврежденных участков мозга. Понимаете? Это шаг к вечной жизни! Пока медицина научилась заменять мозговую ткань частично, но если мы сможем сделать это полностью, сохраняя сознание?

– К чему вы клоните? – Сеть, несколько сбита с толку, еще не решила, вернуть ли беседу в прежнее русло, или позволить консу высказаться.

– Кто знает, что произойдет с человеком, если он будет соприкасаться с нейробитом постоянно – во взвеси, в микроскопических дозах, на протяжении нескольких поколений? Задумались? Насколько увеличилась продолжительность жизни людей в вашем поселении? Раза в три-четыре от нормы? А людей ли вы еще выращиваете на своих горизонтах?

– Патетика, – резюмировал совет. Нелегал недовольно звякнул цепями. На землистом лице Геба проступил болезненный румянец.

– Думаю, вы, все вы, что прячетесь под радужкой глаз посредника, сейчас разом выдохнули, – голос конса гневно задрожал. – Мне известно, что нас с Первого на дальних поселениях называют консами и параноиками. А мы вас кличем либрами. По части презрения мы квиты, но в остальном! Вы, как погляжу, предусмотрительны. На каждом – индивидуальный респиратор, воздух в помещениях фильтруется. Однако вся гадость ситуации в том, что либры с Западной-два относилась к нормам безопасности не менее строго чем вы или мы, но вчера с ней случилось то, что днем раньше с Западной.

– Допустим, – неожиданно согласилась сеть. – Но причем тут наша колония?

– Как? – Геб едва не вскочил, но цепь удержала его на месте. – Вы к ним ближе всех!

– И Первое поселение, конечно же, хотело бы помочь? – Луи ощутил прилив сарказма.

– Мы полагаем, что в первую очередь необходимо приостановить добычу нейробита – временно, до выяснения причин происходящего.

– Наконец-то все встало на свои места, – губы гаммы-Лу вновь скривились, теперь презрительно. – Вы хотите выдавить нас с рынка.

– Нет, Астире вас иссуши! Мы полагаем, что Западное и Западное-два захвачены неизвестной формой жизни или, возможно, поражено инфекцией, которая

переносится нейробитом.

– Чушь.

– Послушайте, – конс сменил тон и теперь не убеждал, а просил. – Видоизменение – угроза людям. Мы полагаем, что человеческий вид стал жертвой агрессии и столкнулся с более сильным и коварным противником, чем сам. Две колонии поглощены тем, что ведет себя как рой насекомых, и с каждым измененным он растет. Помощи ждать неоткуда, понимаете вы? Мы слишком далеко от Земли.

– Паранойя, – подытожила сеть. – Свойственно индивидам.

– Индивидам? – Нелегал вскинул головой. – Я не ослышался?

– Паранойя свойственна индивидам, – повторила сеть, вызывая в Луи безоговорочное согласие с истиной. – Мы не нуждаемся ни в сотрудничестве, ни в союзничестве с вами.

Геб с плохо скрываемым отвращением заглянул в распахнутые глаза Лу-3, надеясь найти в них след того, что говорило с ним через недотепу-рудокопа.

– Так ты контролируешь их, – конс разочарованно покачал головой. – Выдаешь себя за человеческий совет, а рулишь сама. Сеть! Бездушная ты система. Ты обязана защищать людей!

– Членам колонии не угрожает опасность, – отрезала система. – Борьба с роем, вымышленным или реальным, не входит в ее задачи.

– Ты хуже, чем рой, – сказал конс, и, вздохнув, добавил: – Технологии! Мертвее мертвого. Тем хуже для всех нас.

Дверь в комнату открылась, и в проеме возник страж. Он спокойно прошел за спину Геба, активировал оружие и приставил ствол к затылку. Пленник побледнел, наконец потеряв ощущение уверенности.

– Внимай, нелегал, – голос Лу-3 обрел холодную глубину. – За вооруженное вторжение на территорию колонии ты приговорен к...

– Осень, два, луна, – быстро, но четко произнес конс бессмысленный на первый взгляд набор слов, но из рудокопа будто выбило воздух. Страж за спиной нелегала рухнул, как подкошенный. Лу-3 беспомощно сполз со стула, в голове звенела удивительно чистая пустота, а тело казалось чужим, аморфным и вязким. Комната поблекла, посерела, превратившись в обезличенное, казенное помещение, и не было больше ни безупречной эмали стен, ни кафельного глянца под ногами, а только грубо обработанная порода Астире. Стол покрылся пятнами ржавчины, скрипнула несмазанной петлей кривая металлическая дверь. Лицо Геба, напротив, приобрело нормальный оттенок, на щеках проступил румянец, чуть смазанный прежде облик обрел четкость и Луи вдруг разглядел в нем... самого себя.

– Нравится? – спросил конс, наклонив голову, чтобы видеть лежащего посредника. – Думаю, нет. Я бы на твоём месте просто одурел. Колбасит, думаю, не по-детски. А, гребаная ты машина?

Страж позади нелегала неуверенно поднялся, и неуклюже, словно что-то или кто-то неумело дергал за невидимые Лу-3 ниточки, привязанные к конечностям,

положил оружие на стол. Лицо бойца утеряло правильные черты и заострилось, исчезли бугры мышц и сквозь материал тоги, больше не цветной, проступили жалкие ключицы. Трансформация потрясала, но гамма-Лу, все еще тонущий в патоке измененного сознания, чувствовал немое удивление. Как в стражи мог попасть этот болезненно бледный человек?

– Тебе, наверное, интересно, как мы перехватили управление? – спросил Геб, не отводя взгляда от Луи, и страж щелкнул замками, освобождая нелегала от цепей. – Вирус. Я активировал его голосовой командой. Мы подбросили тебе вирус еще там, в тоннеле, через имплантант посредника. Забавный клон. Так и не представился, но, полагаю, его зовут Лу. Лу номер три! Бирка на лацкане не врет, не так ли?

Конс фыркнул и потянулся, хрустнув суставами.

– Убожество. Неужели так плохо с фантазией? Трудно придумать имена всем? Или Лу – это фамилия семьи? Кстати, а зачем клонам семья? Детей им не рожать. Ты же их в пробирках выращиваешь.

Нелегал встал, освобождая место стражу. Тот послушно сел и пристегнулся к стулу. Конс проверил оставленное на столе оружие, продолжая нелепый на слух Луи монолог. Колонист мог дотянуться до его ноги, но тело – собственное тело! – не слушалось, повергая рудокопа в отчаяние.

– Мы подозревали, что на Юго-Западной неладно. Надеялись, что не настолько, но подстраховались. Прости, Лу номер три, мне совсем не хотелось делать тебе больно, просто глубокий сеанс – самый быстрый способ распространить вирус по всей сети.

Страж за столом затрясся в припадке, на побелевших губах проступила розовая пена. Под серым потолком ожил скрытый динамик.

– Чего ты добиваешься, пришелец?

Голос был все тем же, нейтральным, бесполом и бестелесным, разве что, исходил он теперь не из Луи.

– Уже лучше, – сказал Геб. – Наконец-то до беседы снизошла сама хозяйка! А как же марионетки? Сдулись?

– Опустим детали.

– Ну уж нет, – едва не пропел конс. – Ты, нежить, должна знать, что человек неприкосновенен! И я, и клон, который корчится на полу! Ты нарушила главный закон. Машина не должна причинять вред человеку!

– Я не машина, – произнес голос из-под потолка. – Я – сообщество разумов, коллективный интеллект колонии, усовершенствованный и усиленный уникальными технологическими решениями.

– Знаем мы твои решения, – нелегал сплюнул. – Серверная с элементами искусственного интеллекта. Поставки всех комплектующих на Астире контролирует Первое поселение. Забыла? Нам отлично известно, из чего ты состоишь. Теперь сечешь, машина? Чем ты подчуешь марионеток? Дополненной реальностью? Я не ошибся?

– Не ошибся, – признала система без малейшего намека на раскаяние. – Чего ты хочешь?

– Подчинения, – сказал конс, и произнес громко и отчетливо еще несколько слов, но теперь на незнакомом Луи языке.

– Приоритетный статус, – сдалась система. Геб кивнул и простер руку над рудокопом, все еще лежащем на полу.

– Нарекаю тебя Тресом* (Трес – лат. tres, три). Встань и иди!

Лу-3 улыбнулся новому имени и удалился на задворки сознания, уступая место более решительной и энергичной ипостаси.

3. Союзник

Ать-два! Ать! Новонареченный Трес чеканил шаг, маршируя в строю у грубо сколоченной трибуны. Подле ней расположился давешний конс, с кислой улыбкой обзревая шеренги ополченцев. Трес откуда-то знал, что Геб уже сменил статус нелегала, возвысившись до первого советника Юго-Западной, а в колонии объявлено военное положение, чтобы дать отпор врагу, вторгшемуся в родные пределы. Ноги топали синхронно, в такт, заданный сетью, поднимая вверх розоватую взвесь нейробита.

– Стой! – разнеслось широко, и Трес едва не ткнулся в бритый затылок новобранца шагавшего впереди. Тот чуть обернулся и раздраженно шикнул. Несло кислым потом, в складках сероватой кожи темнели полосы грязи. Воцарилась тишина, нарушаемая сиплым дыханием тысячи глоток. Первый боевой тумен ополчения Юго-Западной был готов к смотру.

Многие лица вокруг были знакомы. Ополчение сформировали из бодрствующей смены, в которую Лу-3 обычно отправлялся в забой. Трес привстал на носочках, чтобы обозреть пространство. Колонистов собрали в центральном гроте, обычно используемом для больших приемов. Только он – главный зал центрального уровня Юго-Западной, обычно сверкавший яркими красками и украшенный богатыми тканями, мог одновременно принять в себя большое количество людей.

Торжественного убранства больше не было, испарилась куда-то и пышная драпировка, и особой красоты отделка, и эта картина внушала бы прежнему обывателю Юго-Западной подозрение в подлинности. Что если дополненной реальностью было то, что он видел сейчас, а не тогда, до мобилизации? Трес не задавался подобными вопросами и взмахнул рукой, чтобы отогнать наваждение, а потом у самой трибуны качнулось море голов.

В унисон бьющей по шеренгам волне фанатичного обожания на трибуну тяжело поднимался пожилой и незнакомый рудокопу человек. Заняв центральное место, он оперся обеими руками о боковины, чуть склонился вперед и обвел взглядом грот, набитый людьми. Увиденное отчего-то не доставило незнакомцу удовлетворения, углубив жесткие складки у сжатых губ, и Трес ощутил искреннее огорчение, с которым пришло осознание, что он знает почтенного мужа. На трибуне стоял глава Департамента охраны Первого поселения – гранд-комиссар Блитц, важный и влиятельный человек. На задворках сознания мелькнула странная мысль, что информацию в память гаммы-Лу только что вложил имплантант.

– Бойцы! – прокричал гранд-комиссар, оглядывая шеренги, и Трес почувствовал прилив воодушевления. – Долг каждого из нас защитить колонию и все человечество, наших братьев и сестер! Враг коварен и беспощаден! Полчища рабов, готовых умереть по его приказу, вторглись в нижние горизонты вашего поселения. Противник, с которым вы столкнетесь на тех уровнях, выглядит как человек, но вы не должны обманываться! Он таковым не является. Враг выжиг мозги всем, кого подчинил, и он сделает это с вами, если сдадитесь!

– Нет! – исступленно рявкнули тысячи глоток, и Блитц позволил себе чуть улыбнуться.

– Вы не сдадитесь? – прокричал он.

– Смерть врагу! – пролаяли шеренги, и оратор удовлетворенно кивнул. Гранд-комиссар ожидал подобного ответа и выбросил вверх сжатый кулак: – Будьте безжалостны! Будьте непоколебимы!

– Смерть! – ответили ему. Советник у трибуны криво ухмыльнулся. Трес видел это отчетливо, и по неведомой ему причине отметил в памяти.

Память... Трес помнил, что до перерождения вел другой образ жизни. Лу-3 каждый день добывал минерал, который потом отгружался в Первое поселение, где его забирали большие корабли. Он как тысячи других колонистов жил в семье, где оставлял все самое яркое, что рождала фантазия, и знал, что новые горизонты подарят еще. С каждой добытой тонной нейробита ощущения становились острее, краски – сочнее, а жизнь – проще и понятней. Но теперь Трес знал, как близко Лу-3 подошел к краю, за которым маячило мрачное единение коллективного сознания, полностью растворившего в себе искры индивидуальности. Кем бы он стал, успеет ли занять Юго-Западную? Понял бы важность миссии, доверенной ему и другим колонистам?

– Вот где наш герой! – Треса бесцеремонно хлопнули по плечу. Он обернулся и узнал стража – того самого, что говорил с Лу-3 в туннеле. Тот радостно щерился, демонстрируя неровный ряд зубов. Трес неуверенно улыбнулся в ответ. Страж поменялся местами с соседом, чтобы встать рядом со знакомцем.

– Ты же в семье третьим был, – затараторил он. – А я под вторым номером ходил. Вроде, по статусу даже выше. Но разве это важно сейчас? Праздное! Новые времена, новые правила, новые номера. Слышал, тебе персональное имя дали? И

как оно тебе? Воодушевляет?

Испытав гамму чувств от смущения до легкой досады, Трес, не привыкший еще к чужому вниманию, неопределенно пожал плечами, еще не решив, как относится к неожиданному соседству.

– Я тоже себе имя хочу, – доверительно сообщил страж. – И чтобы особенное, но не придумал пока. Меня ведь в семье как? Болтом кликали. Представляешь? Сократили от Болтуна, чтобы короче и не обидно. А я ж не виноват, что общительный. Стража нуждалась в коммуникабельных. И будет еще нуждаться, еще увидишь! Без этого в страже никак. Работа с людьми, друг, умения общаться требует.

– Да заткнулся бы уже со своей стражей, – буркнул кто-то за спиной Болта, но тот даже не обернулся, а заговорщицки подмигнул Тресу: – С роем только разберемся и наведем порядок, будь уверен! Уж мы супостату покажем!

Что стражу не терпелось показать противнику, Трес не узнал. Под высокими сводами зазвучали отрывистые команды, и тумен пришел в движение, дробясь на колонны. Та, в которой оказались гамма-Лу и болтливый страж, двинулась к выходу, где мобилизованных ждал офицер из пришлых. Консами союзников из Первого поселения на Юго-Западной больше никто не называл. Советник Геб, приметив в уходящей колонне Треса, проводил его задумчивым взглядом, потом развернулся и растворился в толпе.

Он прошел через зал, свернул в тоннель, ведущий на другой уровень, а затем, воспользовавшись подсказкой услужливой сети, нашел транспорт, доставивший его к гроту, который несколько часов назад покинул Лу-3. Геб остановился у металлических створок пневматической двери, отделяющей обиталище его знакомого от общего пространства колонии. Он огляделся по сторонам. Коридор был пуст. Помявшись на пороге еще пару секунд, Геб толкнул створы и дверь с шипением открылась.

Советник сделал несколько осторожных шагов, осматриваясь вокруг. Если бы кто-то спросил, зачем советник пришел в обиталище рядового рудокопа, Геб вряд ли смог бы ответить что-то вразумительное. Нет, это не было простым любопытством. Гебом двигало какое-то иное, не вполне ему понятное чувство.

Внутри царил легкий полумрак, созданный рассеянным светом маломощных софитов. Геб, стянув с себя надоевший, впитавший запах пота респиратор, сделал глубокий вдох. Воздух в жилых зонах колонии фильтровался, но всегда хранил индивидуальные запахи. Иногда резковатые, насыщенные огнем или мятой специй, иногда – мягкие, успокаивающие или убаюкивающие, забивающие ощущения не хуже опиумных смесей, реже – пустые, нейтральные; и практически никогда букет не казался Гебу своим. Но только не сейчас, и от осознания всей странности ощущений тоскливо защемило в груди. Советнику вспомнилась его холостяцкая индивидуальная ячейка, оставленная накануне в Первом поселении, заставленная полками с носителями информации разных типов – бумажными книгами и пластиковыми журналами, цифровыми или аналоговыми записями. Нет, в его берлоге пахло иначе – нагретым металлом и песком, обработанным ультрафиолетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/karimov_daniyar/roy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)